

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В РОССИИ

Б.Н. АЛЕЙНИКОВ, кандидат юридических наук,
профессор кафедры правосудия Пензенского
государственного университета

Ключевые слова: интеллектуальные права, интеллектуальная собственность, исключительное право, часть IV Гражданского кодекса Российской Федерации, охрана и защита интеллектуальных прав, Суд по интеллектуальным правам

Статья посвящена вопросам становления и развития интеллектуальных прав в отечественной практике. Рассмотрены внешние и внутренние факторы, влияющие на необходимость обеспечения эффективности охраны и защиты интеллектуальных прав. Отмечен значительный прогресс в истории отечественного законодательства, связанный с введением в действие с 2008 г. части IV Гражданского кодекса Российской Федерации. Проанализированы недоработки и противоречия в правовом регулировании отношений в сфере интеллектуальных прав как основы внесения масштабных изменений в часть IV Гражданского кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ. Кратко проанализирована история создания Суда по интеллектуальным правам.

The article is devoted to the issues of formation and development of intellectual property rights in domestic practice. External and internal factors influencing on a necessity to insure the effectiveness of security and protection of the intellectual property rights are also considered. The author noted a significant progress in history of domestic legislation associated with the introduction of the fourth part of the Civil code of the Russian Federation in 2008. Flaws and contradictions in legal regulation of relations in the sphere of intellectual property rights as a basis for making large-scale changes in the fourth part of the Civil code of the Russian Federation by the federal law №35 from the 12 of march 2014 are analyzed. The history of establishment of the Court for intellectual property rights is shortly analyzed.

Key words: intellectual property rights, intellectual property, exclusive right, in the fourth part of the Civil code of the Russian Federation, security and protection of the intellectual property rights, Court for intellectual property rights

Доктринальный анализ широкого круга вопросов становления интеллектуальных прав в отечественной практике имел существенный перерыв, практически не развиваясь в 1920–1940 гг., а затем, вплоть до 1990 годов, рассматривался узкий круг вопросов прав изобретателей и творческих работников. Впервые лишь в 1947 г. была сформулирована позиция о пользе кодификации общих норм авторского и изобретательского права¹.

В то же время, в 1950–1960 гг. эта позиция критиковалась и не нашла поддержки².

В 1980 годы Э.П. Гаврилов вновь выступил с идеей выделения общей части в законодательстве, регулирующей охрану нематериальных объектов, предлагая принять такие нормы, с помощью которых можно существенно уменьшить общий объем нормативного материала, который неизбежно повторялся³. Однако реализация этой идеи, открывающая возможности совершенствования правотворчества и правоприменения в сфере интеллектуальной собственности, неоправданно затянулась.

В российской правовой литературе существенная поддержка анализируемой кодификации традиционно объясняется сложностью вопроса, противоречивостью доктринального толкования, дискуссионностью отдельных положений и т.п.⁴

В то же время сегодня все более очевидно проявляется и другая причина — недостаточная сформированность отечественного интеллектуального рынка и, как следствие, невостребованность соответствующего законодательства. Действительно, на фоне «патентных войн», например, между «Apple» и «Samsung», происходивших в рассматриваемый период, крупным российским компаниям, сосредоточившимся в основном в сырьевом, сельскохозяйственном и банковском секторах и пользующимся импортными технологиями, в плане интеллектуальной собственности защищать было практически нечего.

Работа по кодификации законодательства в сфере интеллектуальной собственности продолжалась более 15 лет. В конце 2006 г. была принята часть IV Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), которая начала действовать с 1 января 2008 г. С введением в действие этой части ГК РФ утратили силу шесть законов, обеспечивавших охрану интеллектуальных прав на разные виды интеллектуальной собственности. Теперь вся совокупность интеллектуальных прав объединялась и кодифицировалась в составе ГК РФ. Э.П. Гаврилов образно оценил это нововведение как «величайший положительный шаг в истории российского законодательства», в результате которого «мы, как и в области балета, оказались впереди планеты всей»⁵.

Рассматриваемое нововведение легализовало давно известное и широко применяемое в отечественной правовой литературе понятие «интеллектуальные права» (ст. 1226 ГК РФ). Новелла ещё при обсуждении проекта и особенно после принятия указанной части ГК РФ привлекала пристальное внимание исследователей и практиков⁶. Дискуссии зашли столь далеко, что, как обоснованно отметил А.Л. Маковский, с данной дефиницией стали увязывать «вопросы и проблемы, либо вовсе не существующие, либо не имеющие к ней отношения»⁷.

² Антимонов Б.С. Изобретательское право / Б.С. Антимонов, Е.А. Флейшиц. М.: Госюриздат, 1960.

³ Гаврилов Э.П. Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития. М.: Наука, 1984.

⁴ См. подр.: Алейников Б.Н. Институт права собственности и социальное государство в России. СПб.: Издательство Юридического института (СПб), 2008. С. 188–212.

⁵ Гаврилов Э.П. Интеллектуальные права в современной России: некоторые теоретические проблемы // Правовые исследования: новые подходы. Сборник статей факультета права НИУ ВШЭ. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 317–336.

⁶ Алейников Б.Н. Институт права собственности и социальное государство в России. 2008. С. 188–212.

⁷ Маковский А.Л. Об интеллектуальных правах // Актуальные вопросы российского частного права. Сб. ст., посвященные

¹ Мартынов Б.С. Права авторства в СССР // Учёные труды IX: ВШЭ. М.: Юридат, 1947.

«Интеллектуальные права» в контексте данной работы понимаются как совокупность различных гражданских прав, возникающих на интеллектуальную собственность по 16 объектам гражданского права⁸.

Сразу же после принятия части IV ГК РФ началась интенсивная работа по ее совершенствованию. Обострение потребности в обеспечении эффективности охраны и защиты интеллектуальных прав было обусловлено экономическими, правовыми и организационными факторами, которые условно можно разделить на внешние и внутренние.

К первой категории факторов, по мнению специалистов, следует отнести: усиление международной конкуренции, углубление интеграции национальных экономик, резкое ускорение оборота и коммерческую востребованность результатов интеллектуальной деятельности (далее — РИД), вступление России во Всемирную торговую организацию (далее — ВТО).

Внутренние факторы, на наш взгляд, заключаются в необходимости следования общей стратегии развития — формирования отечественной инновационной экономики, решения конкретных актуальных задач по устранению разрыва между наукой, образованием и бизнесом, повышения сетевой кооперации, совершенствования правотворчества и правоприменения в сфере интеллектуальных прав, в том числе, связанного с последними международными обязательствами России, вытекающими из комплекса соглашений в рамках ВТО (прежде всего — Соглашения о торговых аспектах защиты прав интеллектуальной собственности (ТРИПС)).

Анализируя причины корректировки действующего законодательства в сфере интеллектуальных прав, нельзя не отметить еще два важных момента. Первый заключается в необходимости устранения фактов ущемления прав потребителей в пользу правообладателей — транснациональных корпораций. Второй — неудовлетворительная правовая регламентация информационно-коммуникационных отношений.

Таким образом, дальнейшее совершенствование правового регулирования отношений в сфере охраны и защиты интеллектуальных прав требовало внесения изменений и в часть IV ГК РФ.

Последние масштабные изменения в части IV ГК РФ, внесенные Федеральным законом от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ, обстоятельно проанализированы В.И. Еременко⁹, который, в первую очередь, обратил внимание на принятие в 2008 г. явно «сырого» варианта части IV ГК РФ, что сразу же потребовало серии доработок. Прежде всего, автор отметил определенную непоследовательность законодателя, с чем, безусловно, следует согласиться. В частности, в соответствии с абз. 3 п. 3 ст. 1229 ГК РФ доходы от совместного использования и распоряжения исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или средством индивидуализации распространяются поровну между всеми правообладателями. В соответствии с новым абз. 4 п. 3 указанной статьи, каждый из правообладателей сам защищает свои права на РИД. Такое новшество, с учетом нераспространения раздела II ГК РФ на интеллектуальные права, представляется паллиативом, неспособным

полноценно регулировать отношения в сфере совместного использования исключительного права на РИД. По справедливой оценке В.И. Еременко минимально достаточно следовало урегулировать преимущественное право в приобретении доли в сфере интеллектуальных прав¹⁰.

Следует также обратить внимание на то, что ряд рассматриваемых новшеств заимствован из зарубежной практики. В частности, это относится к вновь введенной ст. 1233. В то же время отметим, что так называемые «свободные лицензии» в России действовали и ранее. В.И. Еременко связывает широкое внедрение Creative Commons с усилением позиций сторонников классического авторского права, чьи взгляды, по мнению автора, частично пересекаются с позицией «пиратских партий», т.е. сторонников ликвидации авторского права¹¹. Данное суждение представляется противоречивым. Автор анализирует практику свободных лицензий с социально-правовой позиции, говоря о том, что это легальный способ самоограничения автором своего права «для получения дополнительных возможностей по реализации своего творческого потенциала». В то же время расширение числа пользователей даже при использовании, например, GNU (General Public License) способно принести автору, прежде всего, коммерческий результат (распространение сопутствующих и более «продвинутых» услуг и продуктов), и именно этот результат даст «дополнительные возможности по реализации своего творческого потенциала».

В составе новелл части IV ГК РФ следует отметить установление объективной (независимо от вины) ответственности нарушителя интеллектуальных прав. При этом бремя доказывания отсутствия вины возложено на нарушителя. Во вновь принятом п. 4 ст. 1252 ГК РФ прямо указано, что защита исключительных прав на РИД также реализуется предъявлением требования об изъятии материального носителя к его изготовителю, импортеру, хранителю, перевозчику, продавцу, иному распространителю, недобросовестному приобретателю.

Полагаем, что проведенная в 2014–2015 гг. корректировка части IV ГК РФ не последняя. Связано это с группой факторов: развитием и усложнением информационно-коммуникационных отношений, доктринальными спорами вокруг основных концепций авторского права, приведением в соответствие российского законодательства требованиям TRIPS и, наконец, что также весьма актуально — совершенствованием юридической техники. В этом плане В.И. Еременко, отметив ряд «неточностей», сделал вывод о том, что их просто «забыли скорректировать»¹². Полагаем, что причина глубже. Огромный объем законодательской работы явно идет в ущерб её качеству¹³. В последнее время большое число поправок в федеральные законы не всегда вносятся системно, некоторую часть «забывают скорректировать» с другими актами, что неизбежно порождает коллизии.

Ретроспективный анализ развития интеллектуальных прав не будет полным без рассмотрения основных

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Понятие «качества законодательства/законотворчества» — предмет дискуссии (о её ходе подробнее см.: Гатилова А.С. Качество законов как объект прогнозирования // Юридическая наука. 2012. № 4 С. 4-7), но первым (не главным, по сравнению с эффективностью регулирования соответствующих отношений) внешним критерием является непротиворечивость и чистота с точки зрения юридической техники.

80-летию со дня рождения профессора В.А. Дозорцева, 2008.

⁸ Гаврилов Э.П. Интеллектуальные права в современной России: некоторые теоретические проблемы. С. 317-336.

⁹ Еременко В.И. Нововведения в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2015. № 11. С. 69-79.

нех становления соответствующей институциональной среды. Необходимо отметить, что вопрос учреждения Патентного суда для осуществления правосудия в сфере интеллектуальной собственности начал активно обсуждаться в переходный период к новому типу экономики (1985–1991 гг.). Был подготовлен проект Закона СССР «О Патентном суде СССР», однако он не был принят. В российском законодательстве идея Патентного суда закрепляется уже в 1992 г.¹⁴, но при обсуждении специального законопроекта было принято решение создавать Высшую патентную палату РФ (далее — ВПП), что объяснялось критикой возврата к практике специальных судов и госарбитража. Законодатель предполагал, что ВПП будет иметь квазисудебные функции, принимая окончательные решения. В 1990-е годы в целом преобладала оценка бесперспективности деятельности патентной палаты как административного органа по патентным спорам¹⁵. В 2008 г. Палата по патентным спорам вошла в структуру Федерального института промышленной собственности¹⁶, что фактически означало её ликвидацию.

¹⁴ Патентный закон РФ от 23 сентября 1992 г. // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 42. Ст. 2319; Закон РФ от 23 сентября 1992 г. № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 42. Ст. 2322.

¹⁵ Еременко В. И. Странные метаморфозы Высшей патентной палаты // Патенты и лицензии. 1998. № 9.

¹⁶ О реорганизации ФГУ «Федеральный институт промышленной собственности Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам» и ФГУ «Палата по патентным спорам Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам»: Распоряжение Правительства РФ от 01.12.2008

В 2008 г. на совещании представителей арбитражных судов в Санкт-Петербурге Председатель Высшего Арбитражного Суда РФ А.А. Иванов высказался за создание Патентного суда в системе арбитражных судов, обосновывая это, в том числе, и курсом на вступление в ВТО. В конце 2011 г. в системе арбитражных судов был создан, а в 2013 году заработал Суд по интеллектуальным правам. Так завершился занявший несколько десятилетий процесс учреждения специализированного суда по защите интеллектуальных прав в России.

Таким образом, для становления интеллектуальных прав в современной России характерны сильные инерционные тенденции советского периода, крайняя медлительность в разработке и принятии соответствующего законодательства, обусловленные, в основном, сложностью вопроса и длительностью дискуссий, а также невосприимчивостью данного законодательства. Российский рынок, в отличие от развитых государств, перешедших в эпоху информационного общества, не нуждается в охране и защите интеллектуальных прав в том объеме, в котором это было, например в США, Японии и странах Западной Европы. Кроме того, правовой нигилизм, питающий различные виды «пиратства», существенная доля «теневых» сектора в экономике также не способствовали формированию спроса на закрепление, охрану и защиту интеллектуальных прав. Показательна в этом плане почти полувекковая история формирования специализированного суда по защите интеллектуальных прав, который был учрежден в большей мере под влиянием международных требований ВТО, чем внутренней потребности.

№ 1791-р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 50. Ст. 5984.

Список использованной литературы:

1. Алейников Б. Н. Институт права собственности и социальное государство в России. СПб.: Издательство Юридического института (СПб.), 2008. С. 188–212.
2. Гаврилов Э. П. Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития. М.: Наука, 1984.
3. Гаврилов Э. П. Интеллектуальные права в современной России: некоторые теоретические проблемы // Правовые исследования: новые подходы. Сборник статей факультета права НИУ ВШЭ. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 317–336.
4. Дозорцев В. А. В трех соснах... О возможности распоряжаться чужими правами // Хозяйство и право. 2003. № 1. С. 44.
5. Еременко В. И. Странные метаморфозы Высшей патентной палаты // Патенты и лицензии. 1998. № 9.
6. Еременко В. И. Нововведения в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2015. № 11. С. 59–69, № 12 (окончание). С. 69–79.
7. Маковский А. Л. Об интеллектуальных правах // Актуальные вопросы российского частного права. Сб. ст., посвященный 80-летию со дня рождения профессора В. А. Дозорцева, 2008.
8. Мартынов Б. С. Права авторства в СССР // Ученые труды IX: ВШЭ. М.: Юридизат, 1947.
9. Полозова Д. В. Самозащита интеллектуальных прав в договорных отношениях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). С. 255–261.
10. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Проспект, 2004.
11. Суханов Е. А., Дозорцев В. А., Авидов Г. Е. Интеллектуальная собственность: Правовое регулирование, проблемы и перспективы // Законодательство. 2001. № 3. С. 2–17.
12. Яковлев А. Ю. Некоторые аспекты распоряжения правами Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности гражданского, военного, специального и двойного назначения // Имущественные отношения в РФ. 2012. № 10.